

В.Б.Тарасова

О дружбе

В том 1982 году мы собирались с Кириллом праздновать пятидесятилетие нашей дружбы. Полгода не дожил он до «золотой» даты. Какое большое место в моей жизни заняла эта дружба! Как ярко врезались в память все наши встречи, сколько они несли в себе радости, как были заполнены содержательными, интересными беседами, сочувствием к бедам и радостям, сопровождавшим нашу жизнь!

Мне казалось, что нет области науки или искусства, которые не интересовали бы его. Меня всегда поражала его осведомленность в разных областях знаний, глубина и широта его взглядов. Он умел, казалось бы, незначительную тему развить в необыкновенно интересную, которую затем мы могли часами обсуждать, расширять и спорить.

Как произошло наше знакомство? Однажды осенью 1932 года я ехала на занятия в заочный Геологоразведочный институт, в который недавно поступила. Стоя на площадке трамвая, я обратила внимание на юношу. Меня привлекло в нем что-то необычное: очень серьезное, задумчивое выражение лица и внешний его облик. Вообще-то сами мы в те голодные и тяжелые времена мало обращали внимания на свою внешность. Никого из нас не волновали ни стоптанные, а то и с отстающей подметкой, ботинки, ни пальтишки, выдавшие виды, с чужого плеча. Костюм юноши отличался каким-то несоответствием отдельных его частей. На голове у него был картуз, как будто извлеченный из заветного дедовского сундука, а на ногах — ярко-желтые краги, напоминающие о моде революционных лет. Пальто, из которого он давно вырос и которое просилось в отставку, меня не удивило — оно вполне гармонировало с нашим гардеробом; висевшая через плечо геологическая сумка придавала особый колорит этому ансамблю. И каково было мое удивление, когда упомянутый юноша появился вслед за мной в нашей аудитории. Я продолжала с интересом на него поглядывать, и интерес мой все возрастал.

Держался он замкнуто, ни с кем особенно не заговаривал. Сидел серьезный и сосредоточенный. После занятий я помчалась к своей

институтской подруге Шуре (Александре Ивановне Осиповой), которая в этот день не пришла на занятия.

— Ну, Шура, и интересный же к нам на занятия пришел студент. Прямо Пьер Безухов. Такой какой-то сосредоточенный, необщительный и немного нескладный.

После этого между собой мы долгое время называли Кирилла Пьером. Вскоре нас повезли на экскурсию по геологии на Татаровские высоты, расположенные под Москвой, где был классический разрез юрских отложений. Ехали в автобусе. Мы с Шурой сидели рядом, а Кирилл устроился напротив. Мы еще совсем мало были с ним знакомы, но чувство взаимной симпатии уже где-то зрело в тайниках души. Мы еще не находили общей темы для разговора, но время от времени поглядывали друг на друга. Взгляды наши встречались, и невольно мы начинали улыбаться. Улыбка у Кирилла в те времена была открытая и необыкновенно светлая, расплывающаяся по всему лицу, зажигающая искорки в глазах. И чем чаще мы встречались взглядами, тем шире разливались наши улыбки, становясь все радостнее и откровеннее. Шура неодобрительно посматривала на нас и шептала мне на ухо:

— Ну что вы сияете, как начищенные полтинники, без всякой причины?

А между тем улыбки эти и были тем залогом взаимной симпатии и доверия, что рождает дружбу.

На экскурсии Кирилл проявил себя как уже опытный геолог (он работал в это время с профессором Д.И.Иловайским). Кирилл рассказывал и показывал нам на обнажении, как и что надо наблюдать, что записывать. Я впервые видела и слышала все это, и уважение к Кириллу, успевшему уже так много узнать, росло в моем сознании.

Эта экскурсия нас ближе познакомила, и вскоре наша троица стала неразлучна. Встречались мы по вечерам на лекциях и практических занятиях. Садись рядом и разбавляли полезные знания, преподносимые нам профессорами, стихами, посылаемыми друг другу на записочках, или веселыми шутками. Мы с Шурой были ужасные «хохотушки», и серьезно просидеть часы занятий нам было не просто. Впрочем, Кирилл от нас не отставал, хотя и старался соблюсти серьезный вид.

Семья Флоренских жила в Загорске. Кирилл с отцом и братом (Василием Павловичем) жил в Москве, но под выходной уезжал в Загорск. Там он провел все детство. Привольная жизнь детей в провинции, близость природы и

постоянное с ней соприкосновение при прогулках с друзьями и в многодневных походах с дядей-охотником (В.М.Гиацинтовым) воспитали в Кирилле любовь и глубокое понимание родной природы. Как он знал разнообразные растения, птиц, различая их по голосам, повадки животных. Как искусный охотник умел в любую погоду разжечь костер, устроить теплое логово на ночевке. Каждую свободную минуту Кирилл стремился в лес. В окрестностях Загорска ему были знакомы каждое озерцо, каждая извилистая тропинка.

После выходного, встречаясь с Кириллом на лекциях, мы с завистью нюхали его лохматую рыжую кавказскую папаху, заменявшую зимой картуз. Она еще хранила запахи свежести зимнего леса, дыма костра, поэзию зимней морозной ночи, сияние звезд. Иногда нам в утешение из сумки вынимались веточки ели, и смолистый запах зимнего леса радовал и манил в тот недоступный для нас мир загорского бытия Кирилла.

Лекции кончались обычно около десяти часов вечера, и следовало бы расходиться по домам. Но для нас начиналась самая интересная пора. Нам столько надо было сказать друг другу. Жили мы все в противоположных концах города. Кирилл — в Лефортове, Шура у Зубовского бульвара, я — чаще всего на Беговой.

Шли провожать сначала Шуру, но, не доходя до ее дома, сворачивали к Лефортову, а потом снова попадали в центр, и с последними ночными трамваями, а то уже и пешком, во втором часу ночи добирались до своих домов. Как хороши пустынные улицы Москвы, загадочные, путанные переулочки со старинными особняками, скверы и бульвары, ярко освещенные центральные улицы, где мы любили рассматривать витрины с книгами и красивыми вещами!

В Лефортове полюбился нам парк. Там мы находили массу развлечений. Начиналось с того, что Кирилл чиркал под деревьями спичками, и с их вершин с невероятным гвалтом и шумом срывались стаи ночующих там ворон и галок. Насладившись этой суматохой, Кирилл находил липу и учил нас есть почки. Что было очень кстати, так как мы были вечно голодны. Особенно богатые почками ветки обгладывались коллективно, конечно, с комментариями и смехом. Потом начиналось самое главное — катанье с гор. Сначала съезжали на своих портфелях, но более интересным казалось кататься на краге Кирилла. Он снимал крагу, ложился на нее животом, а мы садились на него и катились под гору. Все, конечно, разлетались в разные стороны. Увязнув по уши в

сугробах, вымокнув, насмеявшись до хрипоты, выбирались наконец из парка и шли дальше. И снова начинался какой-нибудь оживленный разговор, спор, что-то доказывали, на что-то искали ответ.

А вот возвращаться домой было очень, очень трудно. Стучаться в спящий, да еще не свой дом ой как неудобно! Ни у Шуры, ни у меня не было своего угла. Шура с сестрами снимала угол в чужой квартире. Я делила ночлег между квартирами родственников и друзей моих родителей. Но мы никак не могли расстаться раньше, забывая о «тяжких» раздумьях у дверей спящего дома. Были и такие моменты, когда уж слишком неудобно было являться в третьем часу в чужой дом. Как-то раз — это было ранней весной — мы уже расстались с Кириллом, и тут совесть в нас заговорила. И мы решили домой не идти. Добрались до Москвы-реки — до Вшивой горки. Там вблизи от учреждения, где работала Шура, сели на бревнышко под какой-то глухой стеной. У меня было необъятных размеров пальто — дар очень крупной, полной женщины, старой политкаторжанки, пригревшей меня. Мы вдвоем завернулись в него и, прижавшись друг к другу, продремали до недалекого утра. Кирилл, как мы потом узнали, тоже не решился идти домой и встретил восход солнца на Бородинском мосту. Бывало и так.

А утром опять на работу, а вечером в институт на лекции. Когда спали, когда и что ели в те голодные годы, когда успевали заниматься — трудно сказать. Но, видимо, все же успевали, и не так уж плохо. Вот только досыпать приходилось в трамваях да между делом на работе.

Но жизнь наша была совсем не так беззаботна, как могло показаться на первый взгляд. Просто мы не поддавались унынию и черпали силы и радость из бьющих в нас родников жажды жизни, деятельности и знаний. Дамоклов меч висел над нами почти всю жизнь. Опасности и печали подстерегали на каждом шагу. Нас каждую минуту могли выгнать с работы и из института. Все мы, учившиеся в заочном Геологоразведочном институте, были, в той или иной степени, людьми с трудной судьбой. Одни не могли учиться в очном институте, поскольку стипендия там была очень мала, и, если у тебя был кто-то на иждивении, ее не могло хватить на жизнь. А в заочном учились и очень великовозрастные студенты-практики — кому не хватало «бумажки» для продвижения по работе. Иные не надеялись попасть в очный институт из-за родителей, объявленных врагами народа. Заочный институт на это закрывал глаза. В этой категории была я, а скоро в нее попал и Кирилл.

Все мы работали в области геологии и летом разъезжались в экспедиции. Еще до поступления в институт, чуть ли не с 16 лет Кирилл начал работать в геологии. Одним из первых его учителей и наставников был известный палеонтолог профессор Д.И.Иловайский. Проработав с ним около года, Кирилл настолько вник в его работу, что после смерти Иловайского, последовавшей вскоре, уже смог помочь завершению его исследований. Затем, уже учась в институте в 1933–1934 гг., он работал в Памиро-Таджикской экспедиции, а в 1935-м попал в лабораторию В.И.Вернадского, где занялся геохимией, участвуя в работах по выяснению причин заболевания урвской болезнью, широко распространенной в Забайкалье, потом исследовал тяжелую воду Байкала. А дальше — все новые и новые темы, казалось бы из совсем разных областей науки. И, наконец, работы в ГЕОХИ по исследованию Луны и других планет. Меня всегда поражало такое разнообразие интересов и, главное, глубокое знание тех областей науки, которыми он занимался.

Кроме того, Кирилл консультировал реставраторов древних храмов во Владимире и археологов, раскапывавших древний город в районе Анапы.

Однако глубокий интерес к науке не погасил его любви к природе. Каждый выдававшийся свободный день он стремился в лес. Весной Кирилл на две недели неизменно уходил с дядей или с кем-нибудь из друзей на охоту. Однажды, после смерти дяди, ему не с кем было идти, и он позвал меня. Эта была незабываемая весна. Природа только что просыпалась — было первое мая. Почки наливались смолистым духом. Пели на все голоса птицы, и в синеве неба сияло и грело солнце. Ночи мы спали у костров, устраивая себе перины из сухого папоротника. А на зоре ползли чуть ли не на животе к токующему глухарю или, устроившись на краю болота, наблюдали за любовными танцами журавлей. Какая музыка может сравниться с ликующим пением этих птиц, в любовном экстазе танцующих перед своими избранницами. А какие мы наблюдали бои косачей. Болото, легкий туман, пронизанный первыми лучами солнца, аромат распускающейся зелени, а на полянке азартный бой тетеревов-косачей. Как по-разному завоевываются сердца желанных в природе!

Кирилл любил охоту не ради добычи. Ему доставляло истинное наслаждение созерцание, проникновение в жизнь и красоту природы. Шли годы. Попав в лабораторию В.И.Вернадского, Кирилл с головой погрузился в работу. Он стал редко появляться на лекциях. И встречи наши стали редкими. Иногда Кирилл забегал ко мне на работу или в библиотеку, где я занималась

вечерами. Иногда ходили на концерты или доклады. У каждого начиналась своя личная жизнь. Вышла замуж Шура. Перед самой войной женился Кирилл. Как-то он зашел за мной и повез знакомить с молодой женой. Жили они на Щербинке, где Кириллу дали участок для постройки дома, поскольку дом, где он жил в Москве, должен был быть снесен. Женой его оказалась давнишняя загорская подруга — молодая веселая золотокудрая девушка — студентка биологического факультета Зина. Встретила она меня приветливо и понравилась мне своей простотой, бесхитростностью, открытостью.

Дом их только еще строился. Было лето — начало июня 40 года. Они жили в сарайчике. Быт был почти полевой — экспедиционный. Развели костер. Попили из котелка возле него чаю. Уже вечерело. Пора было ехать домой. Это была наша последняя встреча перед долгой разлукой.

Начавшаяся в сорок первом война раскидала нас в разные стороны. Я уехала в экспедицию и застряла на Дальнем Востоке до конца 1942 года. Шура эвакуировалась из Москвы со своим институтом. Кирилл пошел на войну, имея броню в кармане. Только в конце войны мы нашли друг друга и начали переписываться. А в Москву Кирилл вернулся лишь в 1946-м. В честь его возвращения мы снова собрались вместе и отпраздновали эту встречу у меня дома. Какая радостная была эта встреча, словно и не было многолетней разлуки.

С этого начались снова наши встречи. Теперь мы собирались у кого-нибудь из нас дома. Я была частым гостем в его семье. В ней уже появились дети. Мне было уютно в их домике в Щербинке, где все было очень просто и царил дух непосредственности. Задерживаясь по делам в Москве, Кирилл приходил с ночевкой ко мне. И снова допоздна шла беседа о прожитом и пережитом, о работе, о прочитанном, о планах на будущее. Теперь мы не переживали, что где-то ждет нас спящий дом и запертая дверь, в которую так трудно стучаться в три часа ночи.

Начались и походы в лес с ночевкой. Теперь Зина была инициатором походов. Она тоже была большим любителем природы. Зина звонила мне, собирала своих ребят, Кирилла звать не приходилось. Он всегда был готов к походу. И мы отправлялись подальше в лес. Под руководством Кирилла устраивали ночлег и большой, на всю ночь, костер. Варили что-нибудь поесть. Уже вечерело. Зина устраивала ребят спать и засыпала с ними сама. А мы с Кириллом долго лежали у костра, ведя неторопливую беседу, а то просто

молчали, наслаждаясь тишиной, сиянием звезд, игрой огня в костре, то ярко вспыхивающего и рассыпающегося снопами искр, то тихо тлеющего в раскаленных углях. Начинало светлеть небо, просыпалась заря, чирикнула сонно первая пичуга. «Пожалуй, вздремнем?», — говорил Кирилл, и мы засыпали до полного пробуждения утра и ребят.

Всю жизнь я была благодарна Зине за то, что она поняла, приняла и поделила нашу с Кириллом дружбу, продлившуюся до последних его и ее дней. И сохранившуюся в сердцах их детей, которые и поныне не забывают меня.